

Чикалова И., Минск (Беларусь),
кандидат исторических наук, доцент,
докторант кафедры всеобщей истории БГПУ им. М. Танка;
руководитель Минского гендерного центра при Женском
негосударственном институте «ЭНВИЛА»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Я начну со старой английской поговорки: «Мир принадлежит мужчине. Место женщины дома». Британская писательница Элизабет Джонуэй по этому поводу замечает в своей книге «*Man's World: Woman's Place: A Study in Social Mythology*»: «Раздел этого мира по половому признаку сохраняется и, более того, все еще господствует... Если у женщин в нем есть определенное место, то ясно, что весь остальной мир должен принадлежать кому-то другому и, следовательно — в отсутствие бога — мужчинам. Это разделение так старо и так прочно укрепилось в наших умах и культуре, что производит иллюзию неизбежности».

Гендер как социальная конструкция системы социо-полоролевых отношений. Поскольку понятие патриархатной структуры общества для *Women's Studies* (женских исследований) является стартовым, а именно на этапе патриархата в развитии социальной организации и сегодня находится абсолютное большинство сообществ, я дам ему описание. Термин «патриархатный» характеризует тот тип отношений в обществе, при котором интересы женщин подчинены интересам мужчин. Эти властные отношения могут осуществляться через различные формы, начиная от процессов разделения труда и заканчивая другими формами социальной организации общества. Патриархатная власть основывается на тех социальных значениях, которыми общество наделяет существующее биологическое различие между мужчинами и женщинами. Патриархатные отношения являются структурными: они укоренены в институтах и в социальных практиках общества. Если патриархат, как система, существует на Востоке, в ряде других регионов мира, то в Европе, США, Канаде проявления патриархата разнообразны и многочисленны, но сам он уже не являет собой тут систему. В патриархатном обществе отчетливо оформились две сферы жизнедеятельности — «общественной» и «частной» — вторичной и, соответственно, не обладающей высоким статусом. Различие между этими сферами сложилось и существует как отражение отношений власти и подчинения между мужчинами, монополизировавшими сферу «общественного» и женщинами, вытесненными в область «частного». Введение категории социального пола — «гендера» — сделало возможным по-новому разобраться в отношениях между ними.

Впервые идея о необходимости различать биологический и социальный пол была выдвинута в книге Маргарет Мид «Пол и темперамент в

трех примитивных обществах» (1935). Она была воспринята сначала феминистской теорией, а вслед за ней все общественные науки стали проводить разделение между *полом* и *гендером*. С точки зрения биологии, пол очевиден с момента рождения, его не выбирают. В то же самое время ощущение человеком принадлежности к определенному *социальному полу* воспитывается всю жизнь, в течение которой он осваивает те поведенческие нормативы, которые будут его характеризовать как женщину или мужчину. Хотя биологические различия действительно существуют, не они являются решающими в конструировании мужской и женской природы. Мужчины и женщины являются культурными продуктами своих обществ. Решающим фактором в формировании различий является культура. «Женщиной не рождаются, ею становятся»⁽¹⁾ заявила Симона де Бовуар в работе «Второй пол». Эта короткая фраза стала одной из самых знаменитых в нашем столетии.

Понятие социального пола — *гендера* — заняло центральное положение в терминологическом аппарате сначала у феминистских авторов, которые, начав с критики теорий о «естественной субординации» и подчиненном статусе женщин, придали ему основное место в анализе структур власти, организации социальных и культурных институтов, моделей идеологического контроля в современных обществах. Наряду с такими, не менее важными для обсуждения гендерных отношений терминами, как *феминность*; *маскулинность*; *частный*; *общественный*; *патриархат*; *сексизм*, термин *гендер*, сегодня адаптированный традиционными общественными науками, стал необходимой частью лексикона и интеллектуала, и рядового гражданина на Западе. Он используется в современных международных юридических документах.

Исследования отношений мужчин и женщин как гендерных означает исследование полоролевых моделей их поведения как *социально* детерминированных, в отличие от традиционного подхода, где различие их социальных ролей определяется «естественным», природным фактором — различием их *биологической* организации.

Несмотря на очевидную актуальность, проблема гендерного неравенства, или проблема ущемления интересов половины человечества в течение долгого исторического периода, почти не освещалась общественными науками в мире вплоть до 1970-х годов, а в бывшем СССР она была «геттоизирована» как частная проблема частной науки об обществе — социологии семьи. Но и там она рассматривалась в русле марксистской парадигмы: как проблема недостаточной автоматизации домашнего труда.

Современные *Woman's Studies* в качестве междисциплинарного научного направления, начавшие развиваться на Западе со второй половины 1960-х годов, критически переосмысливают традиционную классическую философию, право, экономическую теорию, политологию, традиционные подходы в истории к описанию общества, педагогическую теорию, содержание учебников и методы обучения. Среди многообразия работ, связанных с гендерной проблематикой, есть уже «классические»: Симоны де Бо-

вуар, Бетти Фридан, Джесси Бернад, Суламиф Файерстоун, Кейт Миллет, Джулиет Митчелл, Нэнси Ходороу, Кэрол Гиллиган, Андреа Дворкин, Зилла Айзенштайн А.Джагар, Дж.Экер, М.Эйхлер и др. Исследовательницы изучают механизмы существования и воспроизводства гендерного неравенства во всех сферах общества: в семье, внесемейном производстве, политике, духовной жизни общества и культуре вообще. Исследователи показывают, что гендерное неравенство находит опору в соответствующей идеологии — *сексизме* — дискриминации по признаку пола.

Экономика. Долго считалось, что проблема гендерного неравенства является только юридической проблемой, Однако легальное расширение женских прав показало, что оно существует и тогда, когда равенство политических и экономических прав мужчин и женщин обеспечено законом, но воспроизводится на уровне экономического механизма, а также на уровне традиций и стереотипов массового сознания. Гендерное неравенство в сфере экономики включает в себя такие явления, как неравное распределение ресурсов, рабочего и свободного времени внутри семьи, дискриминацию женщин на рынке труда (феминизация целых отраслей хозяйства, вытеснение женщин в малооплачиваемые сферы, дискриминация в оплате труда, при приеме на работу, в продвижении по службе), неравный доступ к ресурсам, кредиту, информации.

Высокий уровень феминизации профессии часто является четким индикатором ее низкого социального престижа. Сегрегация женщин в общественном производстве проявляется путем создания внутри «мужских профессий» менее престижных «женских специальностей», или «женских работ», на базе стереотипов общественного сознания о «женских» занятиях, как правило, малооплачиваемых. В результате, женщинам достаются работы, которые больше не притягивают мужчин, и они занимают освобожденные ими места. Большая часть женщин занята на работах без больших перспектив роста по службе.

Одним из основных показателей и следствий дискриминации женщин в общественном производстве стал разрыв в оплате между женским и мужским трудом. Женщинам повсюду платят меньше мужчин: сегодня в среднем разрыв составляет от 30 до 40 % (2). Кроме того, мужчины имеют больше возможностей работать полный рабочий день, быстрее расти по службе и получать льготы. На Кипре, в Корее и Японии зарплата женщин является самой низкой по сравнению с зарплатой мужчин (примерно половина от нее). В России и Беларуси также существует более низкая оплата женского труда, несмотря на высокий образовательный потенциал и уровень занятости женщин. Это объясняется, прежде всего, тем, что, стремясь совместить значительную нагрузку в семье и работу вне дома, они соглашаются на менее привлекательный труд и жертвуют своей карьерой. Даже в Канаде, где женщины начали занимать традиционно мужские, высокопрестижные должности, заработки женщин на этих должностях составляют лишь 71% от мужчин (3). По подсчетам на каждый заработанный мужчиной доллар американка получает 75 центов. В то же время подсчита-

но: если женщинам всего мира платить за их домашний труд, сумма составила бы 11 триллионов долларов (4). У американских женщин, присоединившихся к «Кампании за оплату домашнего труда», довольно сильные аргументы. Например, взяв на себя заботу о быте, женщины позволяют мужчинам уделять все время карьере. Кроме того, несправедливо, что государство платит мужчине, который воюет и убивает, и не поощряет женщин, которые в это время воспитывают детей. Поэтому участницы «Кампании за оплату домашнего труда», считают, что компенсация за их труд может быть предоставлена в форме налоговых льгот или госдотаций, как это уже делается в Венгрии, Аргентине, Израиле и Франции. Таким образом, идея платить женщинам за то, что они убирают в своем доме и готовят еду для общественной семьи уже не кажется столь безумной.

В последние десятилетия наметились три проблемы, широко обсуждаемые исследовательницами применительно к сфере экономики: проблема измерения и оценки женского неоплаченного (домашнего) труда; проблема внутрисемейного распределения доходов и ресурсов, труда, а также доступа к принятию решений и властных полномочий; гендерные процессы на рынке труда (женская занятость, соотношение в доходах и оплате труда).

Исследовательницы, предлагающие новые подходы в экономической теории, едины в том, что неоплаченный труд, домашние обязанности должны быть включены в экономический анализ. Инкорпорировать женщину в экономическую теорию — означает признать ее вне рыночную активность в качестве легитимного экономического вклада. Гендерный подход в качестве методологической основы в сфере экономической теории помогает понять, что сложившееся разделение труда между полами и возникающее вследствие него экономическое неравенство обусловлены характерными для данного общества гендерными ролями. Они предписывают мужчинам и женщинам определенный, якобы «от природы» присущий им тип оведения, а также желательную сферу деятельности. Тем не менее, сравнительные исследования большого числа существовавших когда-либо культур говорят о том, что домашний труд не был изначально связан с дискриминацией и угнетением. Эта связь возникла позднее, когда домашняя сфера оказалась противопоставленной рыночной, превратилась в маргинальную, социально незначимую (5).

Философия. В истории традиционной философии гендерное неравенство редко получает статус проблемы, заслуживающей внимания. Для большинства философов женщина — либо «небытие, не стоящее размышления», либо гендерная иерархия признается «естественной», а, следовательно, нормальной. В истории философии прослеживаются две основные тенденции видения «гендерного вопроса».

1. **Эгалитарная тенденция**, берущая начало от Платона — первая известная развернутая трактовка равного участия полов в общественной жизни дается Платоном от имени Сократа в труде «Государство». Эгалитарная тенденция выражена слабо и проявляется сначала на заре развития фило-

софии, а затем возобновляется ближе к современному периоду.

2. *Консервативная сексистская тенденция* — оправдывающая существующее положение. Аристотель, выступивший оппонентом Платоновской Сокрытия, выдвинул андроцентристскую гендерную модель в философии и стал первым философом, задавшим биологическую парадигму в трактовке женщины. Андроцентризм (от греч. andros — мужчина) — взгляд на мир с мужской точки зрения: действующее лицо («ego») констатируется скорее как мужчина, чем как женщина, рассматриваемая в качестве пассивного субъекта.

Современная феминистская теория подвергает скрупулезному анализу традиционные философские теории. Она выявила женофобский характер в учениях, до недавнего времени, воспринимавшихся в качестве гендерно-нейтральных. С точки зрения антиженской направленности и сексизма самих философов и их взглядов были рассмотрены концепции эротической любви Платона, теория красоты Канта, идея «мирового духа» Гегеля, идея сверх-человека Ницше, теория андрогина русских философов «Серебряного» века и многие другие концепции.

Женофобский характер большинства философских концепций дает повод феминистским исследователям утверждать, что традиционная философия является сугубо «мужской» (маскулинной) наукой, выражающей интересы так называемого сильного пола. Сиксу, автор ставшей классикой феминизма книги «Вновь рожденная женщина» (1975), и последовательница французских философов Жака Лакана и Жака Дерриды, в своем анализе культурно-философской традиции применила концепцию «фаллоцентризма». Он означает логическую установку на приоритет мужского начала над женским и вытеснение женского голоса из реального многоголосия текстов культуры. Сиксу продемонстрировала, что в основе философских (да и не только философских) логических построений лежит принцип иерархического дуализма, когда мир воспринимается как оппозиция двух неоднозначных и неравноценных величин, находящихся между собой в отношении постоянного конфликта, таких как «дух/материя», «активность/пассивность», «культура/природа», «разум/чувство», «сознание/плоть», «мужчина/женщина». Все эти оппозиции имеют самое непосредственное отношение к закрепленным в культуре гендерным различиям, где «мужское» ассоциируется с положительными категориями (дух, сознание, активность и т.п.), а «женское» — с отрицательными (природа, плотность, пассивность и т.д.). Вот почему Сиксу считает, что классическая философия «построена на предпосылке унижения женщины» и что философский дискурс, «задавая тон» для других дискурсов, закрепляет отношения власти и подчинения между полами в культуре в целом (6).

Философия феминизма, став одним из направлений современного постструктурализма, демонстрирует основной методологический поворот современной философии — переход от уровня концептуальных философских практик традиционной бинарной логики, выполняющей тотализирующую функцию в мышлении, на уровень *логики множественности*. Особен-

ность философской методологии феминизма состоит в том, что через анализ феноменов «женского» и «феминного» в культуре феминистская философия манифестирует тезис о том, что современная культура развивается не только в соответствии с идеалом логики и сознания, но и чувственности, телесного опыта. Это объясняет стремление выработать самостоятельный феминистский дискурс, создать своеобразную женскую субкультуру на основе пересмотра триады *body—power—pleasure**. Философия феминизма вносит свой собственный вклад в реализацию постструктуралистской установки на плюральность мышления, культур, чувственного опыта человека и равноценность различных культурных практик и типов мышления. В свою очередь, основные концепции философии постструктурализма переживают сегодня возрастающее влияние философии и идеологии феминизма, которое проявляется в обратном активном использовании постструктуралистами (Лаканом, Фуко, Дерридой, Лиотаром, Делезом и Гваттари) концептуального аппарата феминистской философии.

Женская и гендерная история. «Женская тема» приобрела новую окраску в рамках сформировавшейся в 1960—1970-е годы «новой социальной истории», которая принципиально отличалась в методологическом и идеологическом отношении от старых национальных школ социальной истории. На рубеже 1960 — начала 1970-х годов, подобно другим гуманитариям и обществоведам, избравшим объектом своих изысканий женщину — в семье и общественной сфере, системах права и образования, в науке и политике, в литературе и искусстве — многие молодые историки стран Западной Европы и Северной Америки стали заниматься историей женщин, обоснованно полагая, что изучение прошлого, как и анализ современности, должно опираться на информацию, касающуюся обоих полов. Сначала их «сексуально-детерминированные» исследования, призванные переписать многовековую историю патриархата, придать феминистскому сознанию собственную историческую перспективу, восстановить справедливость в отношении «забытых» или «замалчиваемых» предшествовавшей историографией женщин, воспринимались с большой долей скептицизма и даже издевки со стороны историков-традиционалистов, не признававших за различиями пола определяющего статуса, аналогичного таким ключевым инструментам социально-исторической детерминации, как класс или раса. Тем не менее, за последние двадцать лет история женщин пережила бум, включив в сферу своих интересов почти все вопросы, имеющие отношение к их жизни в прошлые эпохи. В целом в «истории женщин» условно выделяется несколько направлений. Различия между ними ярче всего выступают в формулировке исследовательской сверхзадачи.

В первом, раньше всех сформировавшемся направлении цель научно-познавательной деятельности интерпретируется как «восстановление исторического существования женщин, «забытых» или «вычеркнутых» из официальной «мужской» историографии. Открытие мира женщины прошлых

* Англ.: тело—власть—удовольствие/желание.

поколений помогло привести к созданию «her-story» («ее истории»). Она, правда, была обречена в лучшем случае на параллельное существование всеобщей, по форме безразличной к полу историй.

Во второй половине 1970-х годов на первый план выдвигается направление, которое видело свою задачу в изучении исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ. Исследователи этого направления стремились связать «женскую историю» с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий. В этом они опирались на феминистские теории неомарксистского толка, которые вводили традиционный социально-классовый анализ фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик.

В 1980-е годы ключевой категорией анализа в женской истории третьего направления становится *гендер* (социокультурный пол). Центральным предметом исследований гендерных историков становится уже не история женщин, а история гендерных отношений, т.е. тех самых отношений между мужчинами и женщинами, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между индивидами. Основные теоретико-методологические положения гендерной истории в обновленном варианте были сформулированы американским историком Джоан Скотт в ее полемичной статье «Гендер: полезная категория исторического анализа»(7). В ее трактовке это понятие наполнилось исключительно емким содержанием. Траектория развития современного исторического знания фиксирует такие вехи: от как бы бесполой, всеобщей по форме, но по существу игнорирующей женщин истории к ее зеркальному отражению в лице «однополой», «женской истории» и от последней — к действительно *общей* истории гендерных отношений и представлений, а еще точнее к обновленной и обогащенной социальной истории, которая стремится расширить понимание социального (и, соответственно, свое предметное поле), включив в него все сферы межличностных отношений, как общественную, так и частную. Но от создания модели до эффективного осуществления ее интегративного потенциала в практике конкретно-исторического исследования — долгий и трудный путь.

Политические и общественные науки. В то время, как политолог в «дофеминистский» период очень мало внимания уделяли вопросам представительства женщин, в период, последовавший за массовым ростом женского движения, эти проблемы вышли на центральные позиции в научно-политологической повестке. Необходимость инкорпорации женщин в политическую науку диктовалась не только и не столько возраставшим влиянием феминистского движения на политические структуры, но необходимостью реинкорпорировать демократические идеалы в научную политическую теорию. А рост феминистского движения привлек внимание к важности по-

становки вопросов, связанных с репрезентацией женских интересов.

В последние десятилетия исследователи широко обсуждают проблему женского политического участия и в связи с этим трактовки политики. В традиционной политологии существует тенденция определять «политику» как целенаправленную деятельность, ограниченную рамками особой «общественной сферы», в которой и происходит принятие решений. В 1970-е годы радикальные феминисты начали дискуссию. Одна из пионеров в этом отношении Кейт Миллет в своей, теперь уже классической, работе *Sexual Politics* предложила перенести акцент в определении «политики» от активности, происходящей внутри управленческих структур, на взаимоотношения, основанные на власти, «посредством которой одна группа людей контролируется другой»(8). Она в связи с этим развивает тезис о том, что отношения между полами являются сексуально-политическими: власть мужчин над женщинами есть власть политическая. Показателем этого является и то, что на основных ключевых позициях в политико-властных структурах находятся мужчины.

Феминистская теория при этом предложила рассматривать понятие «политика» предельно широко — как все действия внутри широкой сферы современной социальной и культурной жизни, забыв об искусственно созданном водоразделе между сферами «общественного» и «частного». В такой парадигме любое женское действие, направленное против дискурса патриархатной культуры, понимается как политическое действие, так как всегда ставит под вопрос принципы и основы существования традиционных политических институтов и практик, и призывает к переосмыслению традиционных культурных продуктов. Любой акт женской личностной реализации представляет собой действие по преодолению стереотипов традиционной культуры: отсюда основная политическая формула современных феминистов — «персональное суть политическое»*.

Центральной же для феминистского определения политики стала предложенная в 1980-е годы концепция «осознания силы» (*empowerment*). Мужчины, утверждают феминисты, видят власть, как «власть над» (*power over*), как возможность влиять или доминировать, в то время как женщины видят власть как «осознание силы для» (*empowerment to*). Термин «*empowerment*» используется для описания власти, «уполномочивающей для», в отличие от власти над кем-либо. «*Empowerment*» означает процесс обретения угнетенными некогда личностями возможности распоряжения своими судьбами, расширения участия в делах и присутствия в структурах, которые непосредственно их касаются. Следствием этого является не традиционное использование власти как «власти над другими», или власти в виде доминирования, но понимание ее как «полномочие к» или как «компетенция». В результате люди становятся способными управлять собой эф-

* 'The personal is political' — фраза, впервые произнесенная Carol Hanisch. Она появилась в ее работе 1970 г. *Notes from the Second Year* и стала главным лозунгом второй волны феминизма.

фективно. Таким образом, феминисты считают, что взаимоотношения власти и подчинения — это тоже область, охватывающая гендерные отношения, и изучение гендера они целиком привнесли в сферу политической науки.

Для анализа взаимоотношений женщин с миром политики феминистскими авторами в 1970-е годы были предложены две взаимно противостоящие друг другу концепции — «концепция маргинальности» и «концепция интеграции». Начнем со второй.

Интеграция женщин в политическую жизнь складывается из двух элементов — из роли, которую женщины играют в мире политики, а также ответной роли, которую она играет в их жизни. Пока правительства вовлечены в регулирование рождаемости, сексуальности, репродукции, разделения труда и собственности в семье, условий, которые создают или разрушают семью, без власти в политическом мире женщины не смогут на деле обладать полной мерой власти в частной жизни. Женщины теперь обладают политическими правами и участвуют в политике, но они все еще не полностью интегрированы в политический мир. Обретение избирательных прав является необходимым, но недостаточным условием участия в политической жизни. Например, хотя женщины составляют по крайней мере половину электората, они традиционно слабо представлены в национальных парламентах почти каждого демократического общества, составив в 1995 году в среднем только 11,3% от их состава (9). Они занимают очень мало лидирующих позиций в правительствах, профсоюзах, бизнесе (особенно крупном). И хотя женщины постепенно прокладывают себе дорогу к руководящим областям, их количество в высших эшелонах власти по-прежнему остается очень низким. По данным экспертов ЮНИСЕФ, в целом в мире женщины занимают только 7% министерских должностей, занимаясь в основном различными социальными вопросами, включая образование, здоровье и семью. Общая доля женщин-министров, занимающихся социальными вопросами, составляет в мире в среднем 14%, в то время как на политических и экономических министерских должностях женщин, соответственно 3% и 4% (10). В Республике Беларусь женщины обладают только 5% министерских портфелей. По этому показателю Беларусь обогнала только Италию и Российскую федерацию, а в Греции, Литве, Молдове, Украине, Румынии, Чехии и Эстонии женщины-министры в 1997 г. отсутствовали вообще (10).

Сегодня исключение составляет скандинавские и североευропейские страны, где женщины широко представлены в политических структурах и по существу состоялась их интеграция в политический мир. Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Нидерланды являются самыми феминизированными с точки зрения присутствия женщин в национальных правительствах и парламентах. Так, доля женщин-министров в Швеции составляет 38, в Финляндии — 36, в Дании и Норвегии — по 29% (10). Благодаря различным типам квот, используемым политическими партиями по выдвижению женщин, уже в начале 1990-х годов в среднем по Скандинавии доля женщин

среди парламентариев составляла 30%, а улучшение положения женщин за последние двадцать пять лет было настолько существенным, что изменилось в целом лицо политики. Доля женщин в 1997 году в парламентах Швеции составила 40,4, Норвегии — 39,4, Финляндии — 33,5%(10). В Норвегии женщина была назначена даже министром обороны страны. В настоящее время по отношению к скандинавским странам стали неприменимы модели маргинализации женского политического участия, и можно говорить о становлении *woman-friendly society* — общества с благоприятными для женщин условиями жизни.

«Концепция интеграции» предлагает важнейший оправдывающий аргумент для участия женщин в политике. Но *маргинальность* положения женщин в обществе предотвращает их вхождение в нее в больших количествах. Из этого вытекает предложенная Виолой Клейн «концепция маргинальности». Клейн определяет маргинальность как состояние человека, одновременно живущего в «двух разных мирах», «двух культурных системах», одна из которых в соответствии с превалирующими стандартами рассматривается как «высшая по отношению к другой»(11). В этом смысле о женщинах-политиках (впрочем, как обо всех женщинах-профессионалах) судят, исходя из двух стандартов, — они должны одновременно соответствовать стандарту феминности и стандарту политики, образу политического деятеля. Но последний является мужским по определению, исключает черты феминности и является высшим по отношению к первому. Женщины, пытающиеся удовлетворить обоим стандартам, вынуждены лавировать, и таким образом, выполняют двойную работу, несут двойную нагрузку. Поэтому так мало женщин достигает политических высот. К примеру, легко перечисляются все женщины, которые в разное время были избраны президентами своих стран или стали главами правительств на протяжении всего XX века. Женщины весьма слабо представлены в руководстве политических партий, хотя в истории есть примеры, когда они или персонально были основателями партий, или находились среди организаторов политических формирований, играя важную роль в партийном руководстве. Политические партии остаются корпоративными мужскими клубами, в которые женщины допускаются преимущественно для обеспечения вспомогательных ролей. Например, они рассматриваются в качестве необходимых помощников в период избирательных кампаний для организации поддержки мужчин-кандидатов. *Лига женщин-избирательниц* и *Национальная федерация республиканских женщин* в США являются моделями таких групп поддержки для мужчин на выборах. Аналогичную роль играют женщины, заседающие в селекционных комитетах Консервативной партии в Великобритании. Сферы политической деятельности, которые доверяются женщинам, традиционно оцениваются как второстепенные. Предполагается, что женщина и в политике будет воспроизводить традиционно женскую роль — социальной защиты. Вопросы семьи, материнства и детства являются основными предметами политической деятельности женщин, таким образом, гендерное «предназначение» воспроизводится и на политическом уровне.

В широком смысле *маргинальность* стала рассматриваться феминистской теорией в качестве всего контекста существования, в котором находятся не только женщины, но вообще все те, кто страдает от несправедливости, неравенства и эксплуатации. Целые группы населения, независимо от их численности, оказываются невидимыми из-за отсутствия возможности транслировать свою точку зрения, а в политическом смысле находятся в положении ущемленного меньшинства. Люди оказываются в состоянии маргиналов не только из-за общественного неравенства и несправедливого распределения материальных ресурсов, но также из-за самой организации структуры познания, в которой взгляды одной группы людей репрезентируются в качестве объективных, в качестве «правды»(12). Одним из признаков наличия маргинальных групп населения в обществе является частая необходимость для руководящей элиты прибегать к приемам «*doublethink/doubletalk*».

Гендерные и особенно женские исследования, таким образом, неразрывно связаны с **феминизмом** (от латинского слова *femina* — женщина). Для феминизма 1980-х - 90-х годов характерен очень широкий спектр программ и направлений. Л Татл, издавшая «Энциклопедию феминизма», вообще считает, что «как социальное движение и идеология он состоит из столь многих аспектов и мнений, что простое определение, которое бы устроило каждого, очень трудно сформулировать». Московский словарь по современной западной философии в статье «Феминизм» дает следующее определение: «Феминизм — теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за освобождение»(13). Американский учебник по социологии 1994 г. предлагает примерно такое определение: Феминизм — а) оппозиция всем формам стратификации на основе гендера; б) убеждение, что биология не должна предопределять подчиненный статус женщин; в) ощущение наличия общего опыта и общих целей среди женщин, которые направляют свои усилия для осуществления перемен (14).

В самом общем виде можно предложить и такое определение: «Феминистка или феминист — это человек, который не имеет предубеждений против других людей по признаку пола и своими действиями способствует политическому, экономическому, духовному, сексуальному равноправию женщин». Однако сложность заключается в том, что те реальные и болезненные проблемы, которые встают перед женщинами в современном мире, порождают и разные попытки их понимания, осмысления причин и поиски решений. Отсюда — разные направления в теории, часто весьма противоположные. Однако есть нечто общее, что позволяет говорить о множестве организаций и течений, как о некоем целом, имя которому феминизм. Это, во-первых, акцент на самоценности человеческой личности женщины, ее праве на развитие, творчество, достоинство, свободу в проявлении себя. Вопрос о личности женщины привел феминистов к рассмотрению культуры как поля формирования развития и реализации личности. «Если природа сделала женщину отличной от мужчины, то общество сделало ее отличной от человека», — сказала американская феминистка Суламифь Файер-

стон. Критика традиционной патриархатной культуры, основанной на принципах власти, господства мужчины над женщиной, на отождествлении человека и «подлинно человеческих» качеств с мужчиной и мужскими качествами, — это второй момент, который роднит феминистов самых разных направлений.

Проникновение феминистских идеи в различные сферы культуры идет на Западе в течение последних двух десятилетий чрезвычайно интенсивно: достаточно сказать, например, что концепция сексизма традиционной культуры, в начале 1970-х годов вызвавшая бурю споров и эмоций, вошла теперь в сознание интеллектуала как неотъемлемый элемент. Фактически борьба с сексизмом была провозглашена в Конвенции ООН 1979 года «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». Более того, феминисты предложили различные альтернативы патриархатному состоянию образовательной системы. Система образования с помощью навязывания поло-ролевых стереотипов является наиболее мощным средством, с помощью которого общество воспроизводит *гендер* и социальные отношения.

Влияние феминизма на образование, например, посредством *Women's Studies* заключается в вызове, который дисциплина делает мужским версиям образовательной теории и практики, и мужскому главенству в самом образовании. Такая связь академического мира с социальным движением означала, что преподавание подобных курсов становилось открыто политическим актом, признанием существования женского угнетения и, более того, поиском ответа на вопрос: как положить конец подчинению женщин в современном патриархатном обществе. Целью *их* является трансформировать все сферы образования, включая планы, обучение и исследования. Коротко *Women's Studies* можно охарактеризовать как изучение и исследование властных и гендерных взаимоотношений, основанное на особых образовательных методах сотрудничества и сознательности, помогающим женщинам учиться вместе (15).

Что касается женщин в постсоветском пространстве, то я думаю, что мнение украинской исследовательницы Ирины Жеребкиной, представленное в ее монографии «Женское политическое бессознательное», применимо и к украинским, и к белорусским, и к русским женщинам: «они не идентифицируют свои права и интересы, включая юридические и репродуктивные права, репродуктивное здоровье, личную безопасность, в качестве специфически женских вопросов», независимо от того, какие повороты совершаются в глобальной государственной политике. «...Прессинг со стороны идеологии «материнского предназначения женщины» своим следствием имеет тот факт, что абсолютное большинство наших женщин не идентифицируют свои интересы вне интересов семьи, не чувствуют факта гендерного неравенства в обществе как факта социальной жизни в целом (а не отдельных случаев проявления дискриминации или беззакония в обществе)» (16). Поэтому, на мой взгляд, важным является разрушение андропцентристского взгляда на мир посредством развития «*Women's Studies*»

в нашей стране, которым еще предстоит стать интегративной частью европейских женских исследований, вести обучение самих женщин и вести конструктивный диалог мужчин и женщин.

Литература.

1. De Beauvoir, Simone. *The Second Sex*. Harmondsworth: Penguin. 1972. P. 295.
2. *Toward Gender Equality. The Role of Public Policy*. World Bank Washington, 1995. P. 32.
3. Женщины мира. 1979—1990. Нью Йорк: ООН. 1994. С. 129.
4. Народная воля. 29.05.98. С.3.
5. Н. Hartmann. *Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex*. Signs 1976, № 1.
6. Cixous, H. *The Newly Born Woman*. New York. 1974. P. 64.
7. Scott Joan. «Gender: A Useful Category of Historical Analysis» in Joan Scott. *Gender and the Politics of History*. New York. 1988.
8. Millet, Kate. *Sexual Politics*. London: Abacus. 1972. С. 23.
9. *Women in Parliament as at 30 June 1995*. Inter-Parliamentary Union Geneva. 1995.
10. Народная воля. 12 августа 1997 г.
11. Klein, Viola. *The Feminist Character: A History of Ideology*. Urbana 1972. С. 171.
12. Kirbi, Sandra L. And Kate McKenna. *Experience. Research. Social Change. Methods from the Margins*. Toronto. 1989. P. 33.
13. Клименкова Т. А. *Феминизм// Современная западная философия. Словарь*. М., 1991.
14. Adapted from Stark, Rodney. *Sociology*. 5th ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company. 1994.
15. Humm, Maggie. *The Dictionary of Feminist Thought. Second Edition*. New York. 1995. P. 308.
16. Жеребкина И. *Женское политическое бессознательное*. Харьков 1994.